

Особенности семейно-бытовой повседневности якутского казачества во второй половине XIX – начале XX в.

А. С. Чертков

В статье с позиций культуры повседневности анализируются особенности социально-бытовых процессов, происходивших в служилой среде казачьего населения – пришлых из сибирских городов казаков, присоединивших огромную территорию Северо-Востока Азии к Русскому государству и их потомков, внесших существенный вклад в освоение региона. На конкретных примерах, в том числе архивных источниках и свидетельствах политических ссыльных – участников экспедиций, автор делает выводы об увеличении в конце XIX – начале XX в. числа социально-смешанных браков и складывании в большей степени метизированного казачьего сословия, когда браки русских казаков с якутскими женщинами стали обычным явлением, а в «казачье звание» из-за нехватки штатной численности команд принимались люди из других сословий. Данные явления способствовали изучению русскими казаками автохтонных языков, восприятию традиций и обычаев аборигенных племен и родов. Исследованные категории казачьей повседневности – семья, жилище, пища, одежда – служили основой быденной жизни казачества, влиявшие на развитие данного сословия в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: казаки, якутское казачество, казачья повседневность, служилые люди, Русское государство, Северо-Восток Азии, инородцы, метизация, семейные отношения, культурно-бытовые традиции.

Для цитирования: Чертков А. С. Особенности семейно-бытовой повседневности якутского казачества во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 47–65. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_47. EDN: JQJKPA

Введение

В 1630-х гг., с отправкой в Якутск первых казачьих отрядов начался период организованной колонизации богатыми землями и пушнинами региона Северо-Востока Азии, приведения под «высокую государеву руку» местных племен и родов. Властные институты Русского феодального государства были заинтересованы в сохранении здесь служилого сословия как опоры ясачного режима.

Проникнув в Ленский край и выстроив здесь на основных реках систему острогов, казаки в поисках промысловых угодий всюду навязывали царскую власть местным родам, князьки которых вынуждены были присягать (шертовать) новому порядку. Служилые люди набирались в казачьи сотни из енисейских, тобольских и березовских команд и подлежали ротации. В силу разных причин не все из них возвращались в исходные пункты дислокации: часть из них оседали в Якутской области, создавали семьи, формируя тем самым местное казачье население, заметно отличающееся по своим культурно-бытовым качествам от других сословий. Однако нехватка служилых для реализации растущего круга обязанностей по выполнению разнообразных служебных функций (сопровождение ссыльных, транспортировка грузов, участие в научных экспедициях и др.) и, как следствие, недокомплект штатной численности в казачьих командах приводили к размыванию этих сословных границ: в казаки принимали представителей любых сословий, а также новокрещенных из местных родов.

Служилые люди постепенно переходили к оседлому образу жизни, заводили хозяйство, при этом из-за недостатка женщин русские казаки женились на якутках, овладевали местными языками, перенимали обычаи и традиции инородческого населения края. Данные процессы оказали существенное влияние на изменение физического типа, языковых и других культурно-бытовых особенностей некогда целостного казачьего сословия, привнеся в них значительный местный акцент и колорит.

Дореволюционные и советские историки рассматривали служилых людей, якутских казаков исключительно с позиций проводников политики царского правительства в регионе, сквозь призму несения ими служебных полицейских обязанностей.

Историография исследуемого вопроса в контексте культуры повседневности казачьего сословия региона не изобилует

большим количеством трудов. Вопросы образования, быта, языка и культуры казачества затрагивались в исследованиях политссыльных В. И. Иохельсона [1], И. И. Майнова [2], известны факты общения и духовного влияния на вилюйских казаков Н. Г. Чернышевского [3], в защиту колымских казаков писал С. И. Мицкевич, рассказавший об их тяжелом хозяйственном положении и невыгодной пожизненной службе [4]. Статью Н. Матюнина об организационном устройстве Якутского казачьего полка во второй половине XIX в. [5] и очерк А. И. Маныкина-Невструева, исследовавшего служебное и хозяйственное состояние местных казаков [6], следует считать редкими специальными работами о потомках первых служилых людей, продолжавших нести воинскую службу в Якутской области.

Современная историография насчитывает небольшое число изданий, соответствующих данной тематике. В их ряду отметим работы: В. А. Афанасьева [7, с. 116–119], где рассматриваются вопросы создания казачьих училищ; С. Е. Мостахова [8], Д. А. Шириной [9, с. 57] о географических открытиях с участием местных казаков; Ф. Г. Сафронова [10], исследовавшего служебную деятельность русских служилых людей; А. С. Черткова, изучившего быт и духовную культуру якутского казачества [11].

В числе современных исследований различных сфер казачьей повседневности следует отметить работы Е. В. Годовой [12], Н. Б. Акоевой [13], А. П. Скорика и Л. И. Щербаковой [14] и др. Вопросы семейно-бытовой повседневности якутского казачества в данных трудах не рассматривались.

Методологической основой статьи послужили труды Н. Л. Пушкаревой [15], разработавшей методологию изучения теории повседневности как исторического направления, а также исследования В. А. Веременико и С. В. Любичанковского [16], Л. П. Репиной [17] и др. Междисциплинарный анализ ключевых категорий казачьей повседневности – жилище, пища, одежда представлен в статье А. П. Скорика и Л. И. Щербаковой, где сказано, что «аналитические подходы к изучению социовитальных институтов казачьей повседневности нацелены на необходимость учитывать процессы преемственности в топохронной эволюции казачества как социальной и культурно-этнической группы» [14, с. 38–39]. Исследуя мир повседневности, пишут Т. А. Шебзухова, Н. Г. Бондаренко, «снимается дилемма между

случайным и необходимым», «позволяет обрести методологическую автономию от естествознания, но и обратиться к проблеме смысла как главного принципа объяснения действий людей, их мыслей и намерений» [18, с. 44]. В исследовании применены проблемно-хронологический, ретроспективный и статистический методы обработки и обобщения эмпирического материала.

Документальной базой статьи явились архивные материалы, хранящиеся в региональных и научных архивах. Основной объем источников выявлен в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)), в фонде Якутского пешего городского казачьего полка (Ф. 401). В нем содержатся распоряжения областного начальства по управлению иррегулярным войском, приказы и отчеты атаманов, формулярные списки казачьих команд, ведомости, расписки, служебные записки, жалобы казаков и др. Архивные источники, характеризующие семейные отношения в казачьих семьях, культуру повседневности местных народов, обнаружены нами в отчетах-наблюдениях политических ссыльных – участников научных экспедиций по изучению края в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), в фонде Восточного-Сибирского отдела Русского географического общества (Ф. 293), а также в архиве Якутского научного центра СО РАН, в фонде Института языка, литературы и истории (Ф. 5).

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей семейно-бытовой повседневности якутского казачества в изучаемый период. Задачи исследования состоят в определении причин и динамики процесса метизации в служилой среде, обеспеченности казаков ключевыми категориями казачьей повседневности.

Гипотеза исследования предполагает, что произошедшие в якутской казачьей среде трансформационные процессы, приведшие к тому, что большинство казаков переняли культуру и традиции аборигенных народов, были выгодны как самим казакам, так и местному населению, а также администрации края и царскому правительству в силу их естественного характера. Вместе с тем не стоит обольщаться кажущимся консенсусным состоянием достигнутых отношений между якутскими казаками и якутским населением, которые всецело зависели от русского царя и торгово-экономических интересов в крае

феодалного государства, чью волю обязаны были выполнять местные служилые команды.

Результаты

В XVII – первой четверти XIX в. служилое сословие последовательно играло важную роль в процессах присоединения, освоения Северо-Востока Азии: в качестве сборщиков с податного населения ясака, в обустройстве острогов, казачьих зимовий и постов, транспортировке ссыльных и грузов; администрацией края были востребованы навыки казаков по поддержанию общественного порядка, оказанию помощи в проведении различных экспедиций по изучению огромных северных пространств. Однако со второй половины XIX в. значение служилого сословия в крае неуклонно снижается, наблюдается недокомплект численного состава казачьих команд, сокращение их служебных функций, главными из которых оставались препровождение и охрана ссыльных, охранная и караульная служба.

Всего в 1857 г. казачьего населения Якутской области вместе с отставными казаками и их семьями насчитывалось 2374 чел. (1203 душ м. п. и 1171 ж. п.) [19], а в 1906 г. оно сократилось на 953 чел. и составляло 1421 чел. обоого пола [20].

Значительное влияние на развитие социально-культурных процессов в служилой среде Ленского края оказало состояние материальной стороны их быта: жилищно-бытовые, социальные условия существования семей, процессы метизации пришлого русского населения казаков с местными народами. Согласно правительственным установлениям, казаки находились в двойственном положении «воина-пахаря», при котором они обязаны были относить воинскую повинность, выполняя возложенные на них служебные функции по охране общественного порядка, политических ссыльных и одновременно выполнять хозяйственные функции – обеспечивать свои семьи пропитанием при отсутствии стабильного жалованья и времени на ведение хозяйства, так как главы семей постоянного находились на службе, в дальних командировках и разъездах [11, с. 91].

Процессы социальной дифференции не минули и служилое сословие, привилегированность которого перед другим населением выражалась в обеспеченности денежным, хлебном довольствием, наделением земельными участками. Неуклонный

процесс смешения русских казаков с аборигенными родами привел в массе своей к стиранию русского физиологического типа, культурных особенностей и части сословных перегородок. В большей степени указанные явления проявились в семейно-брачных отношениях у казаков, которые из-за нехватки своих соплеменниц по роду и вере заключали браки с местными женщинами.

В XVII–XVIII вв. на прииски новых северо-восточных земель снаряжались одинокие казаки, которые вынуждены были вступать в браки с местными женщинами, так как их недостаток в казачьей среде всегда был ощутим. Во второй половине XIX в. ситуация несколько меняется, но и она не позволяла существенно улучшить гендерную диспропорцию в казачьей среде. В 1888 г. в казачьих командах Якутской области из 1 305 чел. обоего пола мужское население составляло 54,2, женское – 45,8 %, из этого количества вычитаем 586 детей обоего пола и получаем, что на одного казака (60,8 %) приходилось 0,64 женщины (39,2 %). Данное соотношение мужчин и женщин приводило к снижению количества браков и одновременно стимулировало создание социально-смешанных брачных пар. Семейные казаки составляли в 1850-х гг. 57,6 % сословия, в 1891 г. – 50,4, в 1908 г. – 76,8 % [21; 22]. Таким образом, можно утверждать, что казачье сословие края подверглось активной метизации со стороны аборигенного населения, а смешанные браки стали обычным явлением.

При рассмотрении семейных отношений в казачьем сословии выявляется непосредственная зависимость количества брачных пар от социально-экономических условий проживания и хозяйственного состояния служилых людей. На численность семейных служилых влияли частные командировки казаков в отдаленные команды края (что не давало возможности главам семейств заниматься разными видами промыслов), обеспеченность земельными, сенокосными наделами, разный уровень жизни в округах, зависящий от удаленности от областного центра или ярмарочных мест.

Статистические данные за 1907–1908 гг. позволяют определить количество семей в казачьих сотнях Якутского пешего городового казачьего полка, команды которого располагались не только в городах, но и отдаленных улусах и острогах Якутской области. На самую дальнюю Колымскую команду приходится самый

большой процент семейных казаков – 93,9 %. Такому положению имеет объяснение: при отсутствии удобного для поездок регулярного транспортного сообщения колымских жителей, обеспеченность продуктами питания была хронической, а хлебное довольствие и денежное жалование казаков, которое выдавалось пусть и с задержками, становилось важным стимулом для заключения браков и имело значительную экономическую ценность, что побуждало казаков заключать не только социально-однородные, но и социально-смешанные браки. Управляющий казачьей Колымской командой еще в 1851 г., отвечая встречным донесением на требование атамана полка из Якутска перевести туда нескольких казаков, писал, что «отправлять некого, так как холостых и малосемейных в здешней команде нет».

В Якутской и Вилюйской казачьих командах хлебное довольствие не имело ярко выраженного экономического значения, так как в центральных улусах Ленского края существовали дополнительные заработки и возможности. Факторов, поощряющих деторождение, здесь было меньше, что и приводило к увеличению числа одиноких казаков. Наибольший процент бессемейных казаков приходится на Олекминскую – 50,8 и Верхоянскую – 41,7 % команды. При относительной дешевизне хлеба, по сравнению с другими улусами, олекминские казаки не имели возможности выгодно продать свой продуктовый паек, а сравнительная обеспеченность населения округа землей затрудняла казакам сдачу своих наделов в аренду и получение за них дополнительного дохода.

Малое количество брачных пар в Верхоянской команде явилось результатом искусственного регулирования численности служилых в этом округе, где отбывали ссылку разные категории ссыльных. Областное начальство переводило сюда провинившихся неугодных нижних чинов полка как в место, где выполнять служебные обязанности было на порядок сложнее. Такой контингент служилых, как правило, не был обременен семьями, так как постоянный страх перевода в другую команду являлся для этого одним из сдерживающих факторов. На невысокий уровень количества казачьих семей в Верхоянске влияли дороговизна и ограниченность продовольствия, поставляемого в этот округ, а самое главное – отсутствие условий и времени для осуществления различных промыслов, так как

казаки обязаны были постоянно находиться на службе. Данные обстоятельства приводили к тому, что верхоянские служилые, судя по их жалобам начальству, «претерпевали в пропитании крайние недостатки» [23]. Цены на продукты питания здесь были высокими, а с февраля по июнь приобрести их было невозможно, так как отсутствовало транспортное сообщение, затем начиналась распутица и наступал голодный период времени для всех жителей округа.

Тяжелые экономические условия существования в северных условиях, постоянная зависимость от своевременности и полноты выдачи жалованья за выполнение служебных заданий серьезным образом сказывались на деформации семейно-брачных отношений у служилого сословия. Согласно Уставу о сибирских городских казаках 1822 г., на каждого мальчика, роившегося в казачьей семье, родители получали половину хлебного пайка взрослого мужчины, а с семилетнего возраста – полный паек. На родившихся девочек эта льгота не распространялась. Однако закон разрешал «приживать» детей других сословий, которые тотчас причислялись в «казачье звание», чем и пользовались неимущие казаки в надежде заполучить паек.

Нарушение семейного уклада в казачьих семьях наглядно проявлялось во время голодовок, случившихся, например, на Колыме в 1861 и 1869 гг. Колымский исправник по этому поводу отмечал: «Недостаточность питания довела жителей казачьего сословия до того, что родители смотрят на незаконные сожития своих дочерей с чисто практической стороны. Девушки, рожающие сыновей, на которых полагается провиант, пользуются даже особым уважением родителей и не пренебрегаются обществом, девушки же, имеющие несчастье родить дочерей, находятся в загоне. Такое распределение любви родителей объясняется ничем иным, как только бедностью и голодом» [24]. Экономические причины толкали на добровольные сожительства жен казаков, у которых не было своих детей, с «детными» казаками. Последний давал обязательство мужу казачки, что его жена «родит паек». В случае успешного осуществления плана он целый год получал в виде гонорара паек за новорожденного, а в обратном случае или, если рождалась девочка, «детный» казак платил в виде неустойки свой полный месячный паек семье, с которой был заключен такой договор.

Размер казачьего жалованья вполне обеспечивал прожиточный минимум одного казака. Содержать же на него большое семейство было крайне трудно. Под влиянием этого обстоятельства казачьи семьи представляли собой сложное социальное явление: структура казачьих семей была неоднородной по составу и численности.

Материалы подворной переписи 1885 г. позволяют определить, что многочисленными у казаков следует считать семьи из 3–4 чел., что составляло 34,2 % населения сословия. Почти столько же приходилось на семьи из 5–6 чел. (30,2 %), далее следуют семьи из 7–10 и более чел. (19,7 %) и из 2-х чел. (15,7 %). Преобладающей формой семьи являлась так называемая малая семья, состоявшая из двух или трех поколений людей –выходцев из казачьего сословия.

Демографическое несоответствие между мужским и женским населением в казачьей среде приводило к частичному сокращению доли социально-однородных браков и одновременно к увеличению числа социально-смешанных браков. Стремление казаков выйти из сословия и покончить с обременительной 25-летней службой, «не приносящей никакого дохода», заставляло их жениться на якутках или приживать в своих семьях детей от якутов, что давало хоть малую, но возможность на причисление к податному сословию.

Процесс расширения ареала брачных контактов русских казаков с женщинами из числа местных родов начался в XVII в., когда служилым людям было дозволено брать в жены новокрещенки. Под воздействием целого ряда социально-экономических факторов, выравнивающих культурно-бытовые различия казаков с другими сословиями и коренными народами, происходит этническая ассимиляция части русского и якутского народов, оказавшихся в силу исторических обстоятельств полезными друг другу в едином социокультурном пространстве.

Общность условий для выживания в суровых северных реалиях, тесные хозяйственные, брачные связи русских и якутов привели к тому, что ко второй половине XIX в. физический тип потомков казаков-первопроходцев подвергся сильному метизационному воздействию со стороны тюркского этноса. К тому времени нередко были картины, когда казаки, находившиеся в окружных центрах, слабо напоминали собой русских –

«до того форма головы, склад лица и многие другие физические признаки выдавали их за инородцев», – писал участник этнографической «Сибиряковской» экспедиции Императорского Русского географического общества (РГО) В. И. Иохельсон [1, с. 1–37]. Участник этнографической экспедиции Восточно-Сибирского отдела РГО ученый-этнолог И. И. Майнов, исследуя данную проблему, указывал, что причины этих явлений «исходили из неприглядного социального положения якутских казаков, бедности, отсутствия образования» [2, с. 2].

Несмотря на активные процессы метизации, среди казаков сохранился и русский физический тип. В медицинских описаниях внешнего облика якутских служилых зачастую встречались следующие данные о таком человеке: «Лицо белое, глаза карие и голубые, волосы темно-русые, носы средние, говорят по-русски чисто». При этом рост казаков, достигших двух аршин и шести вершков (168,88 см.), считался большим, чуть ниже этого – средним. В 1852 г. в Якутской казачьей команде из 250 чел. 76 казаков считались людьми «большого роста».

Увеличение межнациональных браков в служилой среде привело к своеобразной, смешанной по физическому типу культуре, языку и обычаям части русского и якутского населения. Данное явление, сопровождаемое взаимным проникновением отдельных хозяйственных и культурных традиций обоих народов, привело к тому, что большого различия в образе жизни казачества и местных жителей не было. Революционер-демократ и публицист Н. Г. Чернышевский, отбывавший в 1871–1874 гг. ссылку в Вилюйском остроге, отмечал исторически сложившую общность якутов и русских, где он наблюдал «наполовину русские, наполовину якутские житейские обычаи» [3, с. 537–538].

Как следствие, это отразилось и на уровне владения казаками языков других народов. Русские люди начали активно осваивать якутский язык в период первоначального прибытия на «украинную землю». Причинами успешности данной лингвистической практики стала та «первоначальная необходимость», которая двигала промышленными интересами русских служилых людей и казаков к последовательному приведению «под высокую государеву руку» приращенных земель, освоению их природных богатств. Н. Г. Чернышевский по этому поводу, например, отмечал, что вилюйские казаки так сбли-

зились с коренными жителями, что «или вовсе позабыли русский язык, или меньшинство из них говорят по-русски плохо, и то лишь с посторонними, а в своих семьях исключительно по-якутски» [3, с. 645]. Позднее участник Ленско-Колымской экспедиции 1909 г., астрофизик, гидролог Е. Ф. Скворцов подтвердил вывод революционного демократа, когда выделял казачье сословие как наиболее податливое в языковом отношении якутскому влиянию: «Потомки покорителей Сибири между собою даже предпочитают объясняться на якутском языке» [25, с. 9]. Необходимо заметить, что и якутский язык в свою очередь впитал массу русских слов: шел процесс взаимного влияния двух языков, представители которых силою торгово-экономических отношений стали сосуществовать в едином социокультурном пространстве.

Об уровне развития культуры повседневного быта казачества можно судить по степени обеспеченности их жилищно-бытовыми условиями, которые непосредственным образом сказывались на нормализации хозяйственной и семейной жизни домохозяев. Служилым людям выплачивалось, вплоть до 1878 г. ежегодное квартирное довольствие, однако оно не способствовало обзаведению собственного жилья, а в большинстве случаев уходило на оплату «обывательских квартир». Согласно постановлению Якутского областного правления от 12 декабря 1870 г., казаки начали «участвовать в платеже квартирного сбора наравне с другими домовладельцами сообразно со своим состоянием» [26]. Данное правило ухудшило материальное положение рядовых казаков, так как холостые казаки получали на покрытие проживания в 11 раз, а семейные – в пять раз меньше собратьев, занимающих высшие чины в таблице о рангах в полку.

Возможно, данные меры областного правления возымели действие и сказались на росте обеспеченности домами служилых края: уже в начале 1870-х гг. наблюдается постепенное увеличение числа казаков – собственников жилья. Так, если в 1848 г. в собственности казаков Якутской команды насчитывалось 46 домов, ими владело лишь 21,4 % личного состава, то в 1871 г. в этой же команде на долю служилых казаков приходилось 55 домов, на долю отставных – 44 дома, что составляло 33 % от общего количества домовладельцев города.

Важным показателем приспособляемости к бытовой культуре коренных народов Ленского края русскими служилыми людьми является заимствование навыков возведения жилых и хозяйственных построек якутского типа. В свою очередь якутские жители перенимали у казаков их строительные традиции. Пришедшие на новые земли казаки сооружали жилища двух типов: первый – русский дом, сложенный из горизонтально уложенных бревен с русской, а иногда и по голландскому образцу печью; второй – якутская юрта, представляющая собой сооружение в виде усеченной пирамиды из вертикально поставленных и обмазанных снаружи «плах» (жердей), снабженная для обогрева традиционным якутским камельком. Больше всего построек обоего вида было в казачьих командах, располагавшихся в Вилюйске и в Среднеколымске, где казачье сословие преобладало в численной структуре населения. Однако больше всего жилых казачьих построек русского типа в 1907–1908 гг. было в Якутской команде – 141 дом. В Колымской команде казаки отстроили 50 домов, а в Верхоянской – 4 дома. Другой тип жилья – якутская юрта – был характерен для казачьих домохозяев городов: Якутска – 44 юрты, Вилюйска – 35 и Верхоянска – 11 сооружений. Наиболее обеспеченными рубленными домами были колымские казаки – 78,8 %, меньше всего – верхоянские – 12,5 % от численности казачьего сословия местных команд. Служилые и отставные казаки Колымской, Якутской и Олекминской команд строили дома преимущественно русского типа. В Верхоянской (45,8 %) и Вилюйской (59,6 %), наоборот, преобладающим типом постройки являлась якутская юрта. Всего в Якутском казачьем полку в 1907–1908 гг. обеспеченность домами составляла 47,3 %, юртами – 28,9 % [27, с. 19]. Для ведения хозяйства служилые и отставные казаки сооружали «надворные» постройки – хлева, сараи. Самым распространенным типом вспомогательных сооружений в то время были амбары для хранения вещей и продуктов.

Получая жалкое квартирное довольствие, не имея других доходов ввиду постоянной занятости на службе, казаки встречали затруднения в содержании своих домов, которые становились «обременительны». Во время различных, порой длительных командировок по региону, «не имея собственных свободных средств отапливать дом в зимний период», казаки нанима-

ли для этого якутов, которые проживали здесь же или в хозяйственных постройках. Совместное проживание в одном жилище хозяина-собственника и бездомных приглашенных семей беднейшей части якутского населения привело к распространению в казачьей среде своеобразного социального явления – «дюккашества», являвшегося по существу скрытой формой эксплуатации наемных работников [11, с. 96]. Платой за пользование жильем становился труд дюккаков, выполнявших самые разнообразные хозяйственные работы.

Для лучшей организации сезонных работ по хозяйству казаки, владевшие жилыми строениями, имели один зимний и небольшой летний дом (заимку) или юрту, который использовали как дачу в удобное для ловли рыбы или охоты время года. Так описывает А. Гедеонов повседневную жизнь колымских казаков на заимках: «В кое-как наскоро сколоченным из неотесанных бревен балагане проводит колымчанин страдное время. Ни печи, ни камина, ни кроватей в такой урасе не полагается. Он спит на земле, редко на досках... Богатые имеют дома, перевозят на заимку мебель, победнее – делают к своему балагану пристройку (белый дом), где вы найдете камин, пол и кровать-нары. Пол устлан свежей душистой хвоей лиственницы и все чисто и опрятно» [28, с. 116–152].

Обеспеченность казаков домашним имуществом и одеждой – также один из индикаторов культуры повседневности, который напрямую зависел от уровня хозяйственной состоятельности казачьих семей. Значительное влияние на наличие этих компонентов быта оказывали процессы имущественной дифференциации и межэтнического взаимодействия русских казаков с местными народами.

Имущество рядовых казаков и отставных было скудным, в достатке жили высшие чины полка и те из них, кто сумел различными способами «добыть» больше пушнины или другого товара. Отметим, как свидетельство разумного приспособления к местным северным условиям наличие традиционной одежды аборигенного народов в гардеробе казачьих семей.

Служилое сословие края переняло у инородцев и собственные им способы приготовления пищи, что говорит о влиянии культурно-бытовых традиций аборигенных народов на русские гастрономические предпочтения. Казаки

стали по-якутски готовить мясо, рыбу, якуты же стали больше солить добытый улов, что способствовало лучшей сохранности продуктов. Участник Вилюйской экспедиции Р. Маака политический ссыльный А. Павловский в «Заметках о Вилюйском крае» приводит любопытные сведения о растениях, которые начали употреблять в пищу местные жители после знакомства с русскими: хрен, щавель, черноголовник (ымыях), аптекарскую кашку (эрбесин) и др. [29]. Ссыльный В. Е. Горинович в рукописи «Пища якутов», одобренной Э. К. Пекарским, указывал на то, что якуты переняли у русских казаков приготовление заварки для чая из растения затуран («судуран»), которое прессовали в компактную массу, незаменимую в дальних путешествиях [30]. Якуты и русские переняли друг у друга различные способы приготовления лекарственных средств для лечебных целей.

Обсуждение и выводы

По мере продвижения первых служилых людей на земли коренных народов Северо-Востока Азии в XVII – первой четверти XIX в. и создания острожной системы расселения казачьих команд в возведенных укреплениях по берегам северных рек, происходит закрепление в регионе русского населения. В силу неизбежности соседства в местах, удобных для занятия земледелием и различными промыслами, ведения хозяйства, обороны от воинственно настроенных племен, происходят процессы взаимного влияния культур русских и местных родов, приведшие к созданию смешенного в этническом и социокультурном плане русско-якутского населения.

Ввиду огромной удаленности от административных центров Сибири, задержки выплаты жалования, дефицита удобных для хлебопашества земель, промысловых участков казачье сословие Ленского края и других казачьих команд региона находилось в сложных социально-бытовых условиях, которые способствовали ускорению процессов метизации служилых людей, изучению ими аборигенных языков, восприятию традиций и обычаев северных культур. Данные условия повседневности способствовали ломке сословных перегородок казачьего сословия – принятию «в казаки» представителей других сословий, что непосредственным образом воздействовало на измене-

ние структуры казачьих семей, ускорило процессы этнокультурного взаимодействия с местным населением региона.

Выявленные категории казачьей повседневности региона в исследуемый период – семья, жилище, пища, одежда – показывают, что происходившие внутри сословия семейно-бытовые процессы отвечали интересам феодального государства, так как способствовали закреплению в местах службы казаков, отправляемых в Якутскую область из ряда сибирских областей, были выгодны самим казакам, переходившим к оседлому образу жизни в городах, а также и местному населению, видевшему в русских служилых людях гарантию стабильности охраны порядка в населенных пунктах их дислокации и получившие возможность поступать на воинскую службу, пользуясь казачьими привилегиями в виде жалования и различного вида довольствия.

Список литературы

1. Иохельсон В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-географическом отношении // Землеведение. – 1895. – Вып. 2. – С. 1–37.
2. Майнов И. И. Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. – 1900. – № 4. – 30 с.
3. Чернышевский Н. Г. Письма. Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. Т. XIV. С. 537–538; 645, 688.
4. Мицкевич С. И. Очерки Колымской жизни // Восточное обозрение. – 1902. – № 151.
5. Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского пешего казачьего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб.: Якутский обл. статистический ком., 1871. С. 39–177.
6. Манькин-Невструев А. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. 78 с.
7. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 344 с.
8. Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей (Участие местного населения в географическом изучении Северо-Востока Сибири в XVII – начале XX в.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 211 с.
9. Ширина Д. А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якутское книжное издат-во, 1987. С. 57.
10. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
11. Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. М: Контакт РЛ, 1996. 184 с.
12. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 382 с. EDN WIQDMS.
13. Акоева Н. Б. Повседневная жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2011. 243 с.
14. Скорик А. П., Щербакова Л. И. Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 37–52. – DOI 10.19181/vis.2023.14.3.3. EDN LRTOIC.

15. Александров В. А., Власова И. В., Пушкарева Н. Л. Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 189 с. EDN RRFOHT.

16. Веремко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкаревой до Н. Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 3(46). – С. 85–94. – DOI 10.17072/2219–3111–2019–3–85–94. EDN ACUNRH.

17. Репина Л. П. Практики историописания в пространстве межкультурного взаимодействия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2022. – № 2(32). – С. 114–129. – DOI 10.21638/srbu19.2022.208. EDN HWWVSGW.

18. Шебзухова Т. А., Бондаренко Н. Г. Исторические аспекты повседневности и методологические проблемы исторического познания. Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2023. 160 с. EDN MVSQTL.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50.

20. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Ф. 343. Оп. 1. Д. 36.

21. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 60.

22. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 77.

23. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 98.

24. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9.

25. Скворцов Е. Ф. Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: (доложено отделениями Географии Математической и Географии Физической И. Р. Г. О. 16 ноября 1910 г.) // ИИРГО. – 1914. – Т. 50. – Вып. 7. – 32 с.

26. НА РС(Я). Ф. 493. Оп. 1. Д. 26.

27. Казачье население Якутской области: статистико-экономический очерк составлен Канцелярией Якутского областного статистического комитета. СПб.: Тип. Мин-ва Вн. Дел, 1909. 93 с.

28. Гедеонов А. За Северным полярным кругом: от Якутска до Колымска // Русское богатство. – 1896. – № 6. – С. 116–152.

29. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 768.

30. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 749.

Peculiarities of Family and Everyday Life of the Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries

Aleksey S. Chertkov

The article, from the perspective of everyday culture, analyzes social and everyday processes that took place in the service environment of the Cossack population – Cossacks who came from Siberian cities, annexed the vast territory of North-East Asia to the Russian state, and their descendants, who made a significant contribution to the region development. Using specific examples, including archival sources and testimonies of political exiles – participants of expeditions, the author draws conclusions about the increase of the number of socially mixed marriages and formation of a more mixed-race Cossack class in the late 19th – early 20th centuries, when marriages of Russian Cossacks with Yakut women became commonplace, and people from other classes were accepted into the “Cossack rank” due to a lack of staffing levels. These phenomena contributed to the study by Russian Cossacks of autochthonous languages, the perception of traditions and customs of aboriginal tribes and clans. The studied categories of Cossack everyday life – family, housing, food, clothing – served as a basis for the Cossacks daily routine, influencing the development of this class in the historical period under consideration.

Key words: cossacks, Yakut Cossacks, cossack everyday life, service people, Russian state, North-East Asia, foreigners, cross-breeding, family relations, cultural and everyday traditions.

For citation: Chertkov, A. S. (2024) Osobennosti semeino-bytovoi povsednevnosti yakutskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Peculiarities of Family and Everyday Life of the Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 47–65. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2024_3_47. EDN: JQJKPA

References

1. Iokhel'son, V. I. (1895) *Zametki o naselenii Yakutskoi oblasti v istoriko-geograficheskom otnoshenii* [Notes on the population of the Yakut region in historical and geographical terms]. *Zemlevedenie* [Earth Science]. Vyp. 2. Pp. 1–37. (In Russ.)
2. Mainov, I. I. (1900) *Pomes' russkikh s yakutami* [A cross between Russians and Yakuts]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* [Russian Anthropological Journal]. Moscow: Tipolitografiya A. V. Vasilevicha i K. No. 4. (In Russ.)
3. Chernyshevskii, N. G. (1949) *Pis'ma* [Letters]. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Moscow. Vol. XIV. Pp. 537–538; 645, 688. (In Russ.)
4. Mitskevich, S. I. (1902) *Ocherki Kolymskoi zhizni* [Essays on Kolyma life]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Outlook]. No. 151. (In Russ.)
5. Matyunin, M. (1877) *O pokorenii kazakami Yakutskoy oblasti i sostoyanii Yakutskogo kazach'ego peshego polka* [About the conquest of the Yakut region by the Cossacks and the condition of the Yakut Cossack foot regiment]. *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1871 god* [Memorial book of the Yakut region for 1871]. St. Petersburg: Yakutskiy obl. statisticheskii kom. Pp. 39–177. (In Russ.)
6. Manykin-Nevstruev, A. (1883) *Zavoivateli Vostochnoi Sibiri yakutskie kazaki* [Conquerors of Eastern Siberia, Yakut Cossacks]. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov) Publ. (In Russ.)
7. Afanas'ev, V. F. (1966) *Shkola i razvitie pedagogicheskoi mysli v Yakutii* [School and development of pedagogical thought in Yakutia]. Yakutsk: Yakutknigoizdat. (In Russ.)
8. Mostakhov, S. E. (1966) *Spodvizhniki puteshestvennikov i issledovatelei (Uchastie mestnogo naseleniya v geograficheskom izuchenii Severo-Vostoka Sibiri v XVII – nachale XX vv.)* [Companions of travelers and researchers (Participation of the local population in the geographical study of the North-East of Siberia in the 17th – early 20th centuries)]. Yakutsk, Yakutknigoizdat. (In Russ.)
9. Shirina, D. A. (1987) *Otechestvennaya nauka i izuchenie Yakutii v XVIII – nachale XX vv.* [Domestic science and the study of Yakutia in the 18th – early 20th centuries]. *Istoricheskie svyazi narodov Yakutii s russkim narodom* [Historical connections of the peoples of Yakutia with the Russian people]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdat-vo. P. 57. (In Russ.)
10. Safronov, F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII-seredine XIX v.* [Russians in North-East Asia in the 17th – mid-19th centuries.]. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)
11. Chertkov, A. S. (1996) *Yakutskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Yakut Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Moscow, Kontakt RL. Pp. 110–119. (In Russ.)
12. Godovova, E. V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)
13. Akoeva, N. B. (2011) *Povsednevnyaya zhizn' kazach'ego naseleniya Yuga Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Cossack population of the South of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Slavyansk-on-Kuban]. Slavyansk-na-Kubani: Izd. tsentr SGPI. (In Russ.)
14. Skorik A. P., Shcherbakova L. I. (2023) *Sotsioivital'nye instituty kazach'ei povsednevnosti: kategorial'no-poryatiinyi analiz* [Sociovital institutions of Cossack everyday life: categorical and conceptual analysis]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 14. No. 3. Pp. 37–52. (In Russ.)

15. Aleksandrov, V. A., Vlasova, I. V., Pushkareva, N. L. (1995) *Russkie: etnoterritoriya, rasselenie, chislennost' i istoricheskie sud'by (XII–XX vv.)* [Russians: ethnoterritory, settlement, numbers and historical destinies (12th – 20th centuries)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN. (In Russ.)
16. Veremenko, V. A., Lyubichankovskii, S. V. (2019) *Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoi povsednevnosti v Rossii* [From N. L. Pushkareva to N. L. Pushkareva: modern historiography of the history of women's everyday life in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History]. No. 3 (46). Pp. 85–94. (In Russ.)
17. Repina, L. P. (2022) *Praktiki istoriopisaniya v prostranstve mezhkul'turnogo vzaimodeistviya* [Practices of historical writing in the space of intercultural interaction]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 2 (32). Pp. 114–129. (In Russ.)
18. Shebzukhova, T. A., Bondarenko, N. G. (2023) *Istoricheskie aspekty povsednevnosti i metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya* [Historical aspects of everyday life and methodological problems of historical knowledge]. Pyatigorsk: OOO «Reklamno-informatsionnoe agentstvo na KMV». (In Russ.)
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGLA). F. 1263. Op. 4. D. 50.
20. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya)* [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)] (hereinafter – NA RS (Y)). F. 343. Op. 1. D. 36.
21. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 60.
22. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 77.
23. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 98.
24. *Arkhiv Yakutskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk* [Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Op. 1. D. 9.
25. Skvortsov, E. F. (1914) *Lensko-Kolymyskaya ekspeditsiya 1909 goda: (dolozheno otdeleniyami Geografii Matematicheskoi i Geografii Fizicheskoi I. R.G.O. 16 noyabrya 1910 g.)* [Lena-Kolyma expedition of 1909: (reported by the departments of Geography of Mathematics and Geography of Physical I. R. G. O. on November 16, 1910)]. *IIRGO (Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva)* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 50. Iss. 7. (In Russ.)
26. NA RS (Y). F. 493. Op. 1. D. 26.
27. (1909) *Kazach'e naselenie Yakutskoi oblasti: statistiko-ekonomicheskii ocherk sostavlenn Kantselyariei Yakutskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta* [Cossack population of the Yakut region: a statistical and economic essay compiled by the Office of the Yakut Regional Statistical Committee]. St. Petersburg: Tip. Min-va Vn. Del. (In Russ.)
28. Gedeonov, A. (1896) *Za Severnym polyarnym krugom: ot Yakutsk do Kolymyska* [Beyond the Arctic Circle: from Yakutsk to Kolymsk]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. No. 6. Pp. 116–152. (In Russ.)
29. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (dalee GAIO)* [State Archive of the Irkutsk Region] (hereinafter – GAIO). F. 24. Op. 7. D. 9.
30. GAIO. F. 293. Op. 1. D. 749.

Об авторе

Чертков Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация; e-mail: alexchertkov@list.ru; ORCID ID: 0009-0004-9990-2887

About the author

Chertkov Aleksey S., Candidate of Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation; e-mail: alexchertkov@list.ru; ORCID ID: 0009-0004-9990-2887

*Статья поступила в редакцию 15.05.2024
Одобрена после рецензирования 12.07.2024
Принята к публикации 17.07.2024*